

СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ

В.В. Константинов

*заведующий кафедрой «Общая психология»,
канд. психол. наук, доцент
e-mail: konstantinov_vse@mail.ru*

Пензенский государственный университет

В статье представлены результаты теоретического анализа проблемного поля адаптации мигрантов в новых условиях жизни. Автором описаны результаты эмпирического исследования, итогом которого стало выделение четырех стратегий поведения мигранта в принимающем сообществе: «S-активная адаптация», «S-пассивная адаптация», «S-активный негативизм к местному населению и культуре» и «S-пассивная дезадаптация».

Ключевые слова: мигранты, социально-психологическая адаптация, стратегии поведения.

Проблема адаптации личности к другой культурной среде в последние десятилетия стала особенно актуальной как в отечественной [Габдрахманова 2007; Гриценко 2002; Лебедева, Татарко 2009; Смирнова 2011], так и в зарубежной науке [Berry 2015; Cohen 2015; Reilly 2011]. Это объясняется прежде всего ростом миграции и других типов перемещений в иную культурную среду различных социальных групп (туристов, иностранных студентов, участников международных программ профессионального обмена, мигрантов). Многоаспектность феномена кросс-культурной адаптации тесно связана с разнообразием типов перемещений (кратковременное, долговременное, постоянное, добровольное и недобровольное), изучаемых категорий испытуемых, а также неоднозначностью трактовки понятий, описывающих данный феномен (культурный шок, межкультурная адаптация, аккультурация, приспособление).

Американский антрополог Ф. Бок выделяет несколько базовых адаптационных стратегий.

1. Стратегия «геттоизации» (пассивной автаркии), применяемая к ситуациям, в которых оказавшиеся в новом окружении адаптанты стремятся избежать прямых контактов с чужой культурой и обусловленных этими контактами негативных симптомов культурного шока. Мигранты, придерживающиеся данной модели, создают свой особый микромир с исключительно «родной» этнокультурной средой, населенный своими соотечественниками и соплеменниками. Пассивная автаркия характерна, как правило, для представителей этнических меньшинств (переселенцев и беженцев), проживающих в крупных городах, мегаполисах, индустриальных центрах.

2. Стратегия «культурной колонизации» (агрессивной автаркии), выражающаяся в активном проявлении этноцентризма и интолерантности «пришельцев». Новая реальность в данном случае воспринимается крайне неадекватно, иная культура резко критикуется и отвергается. Помимо этого, мигранты (колонизаторы) активно стремятся перенести в новую среду атрибуты своей культуры и этнические стереотипы, навязать собственное мировосприятие и образ жизни принимающему окружению.

3. Ассимиляция, характеризующаяся отказом мигрантов (добровольным или вынужденным) от родной культуры и полной идентификацией («растворением») с новым этнокультурным сообществом.

4. Интеграция (аккультурация), являющаяся наиболее предпочтительной и успешной стратегией адаптации, при которой этноменьшинства сохраняют приверженность своей культуре и параллельно интернализируют инокультурные атрибуты. Данная стратегия также способствует активизации паритетного межкультурного диалога между мигрантами и доминирующим этническим большинством, взаимному приспособлению последних, помощи меньшинствам в усвоении базовых ценностей, норм, знаний и образцов новой социокультурной среды, а принимающему сообществу – в адаптации своих социальных институтов к потребностям и запросам всех составляющих его этнических групп [Ионин 1998: 17–18].

В период 60-х гг. XX в. психологические аспекты аккультурации стали объектом внимания ученых-психологов. Среди них наиболее известен своими работами, посвященными аккультурации, канадский психолог Дж. Берри, автор так называемых аккультурационных стратегий, основанных на двух следующих факторах: поддержании и развитии этнического своеобразия индивида в обществе, и желании индивида общаться с представителями других этносов. Классификация Дж. Берри выделяет четыре стратегии (они же возможные последствия межкультурных контактов): ассимиляция, интеграция, сепарация и маргинализация [Berry 2011].

Erik H. Cohen предложил расширить теорию стратегий аккультурации Берри в трехмерную модель, которая будет применяться к случаю аккультурации среди мигрантов. Расширенная модель включает сообщество мигрантов в качестве отдельной общности. В нем рассматриваются динамические и многонаправленные отношения между тремя общностями и отдельным мигрантом, которые взаимодействуют для создания опыта аккультурации у мигрантов. E.H. Cohen представил расширенную типологию, описывающую восемь возможных стратегий аккультурации среди мигрантов. Приводятся некоторые примеры, подтверждающие утверждение о том, что в социально-психологическом феномене аккультурации среди мигрантов сообщество мигрантов играет роль, которая может быть дифференцирована. Модель представляет собой структуру для изучения выражения этих стратегий аккультурации среди различных подгрупп в сообществе мигрантов. Принимающие сообщества играют существенную роль в процессе аккультурации и подтверждают, что восемь профилей могут быть распознаны в эмпирическом исследовании [Cohen 2011].

На наш взгляд, успешность адаптации зависит от следующих факторов: социального статуса мигранта, индивидуально-личностных и социально-психологических характеристик мигранта, а также социально-психологических характеристик представителей этнокультурного принимающего общества (принятие/непринятие, наличие этнических стереотипов, дружелюбие/агрессивность, культурное и этническое многообразие, толерантность/интолерантность).

Происходящим под влиянием социальных изменений миграционным процессам на макро- и микроуровне можно дать следующее определение: это социально-демографическая трансформация принимающего сообщества, преобразования в социальной структуре этого сообщества, перемены в социально-ролевых и социально-культурных структурах общества иммигрантов. К примеру, интенсивность «иммиграционной экспансии» во второй половине XX в. привела к появлению сообществ с большим культурным и этническим разнообразием [Вершок 2013]. Свой собственный путь регулирования этого процесса пришлось выбирать каждой из принимающих мигрантов стран.

Необходимо отметить, что применительно к условиям миграции проблему социально-психологической адаптации следует рассматривать как своего рода баланс между индивидуализацией и социализацией индивида, поскольку именно взаимодействие этих важнейших составляющих личности формирует «личностное» как смысложизненную концепцию, то есть индивидуальную обобщенную систему взглядов на процесс, цели и результат собственной жизни. В этом смысле адаптация предполагает социализацию или, вернее, ресоциализацию личности.

В качестве показателей успешной социально-психологической адаптации могут использоваться положительные оценки, даваемые личностью своим субъективным возможностям, ценностным ориентациям, эмоциональному фону, уровню активности, изменяющимся в зависимости от этапа, на котором находится процесс социально-психологической адаптации. Необходимо делать акцент на следующих функциях социально-психологической адаптации: приведении динамической системы «личность – социальная среда» в оптимальное равновесие, заключающееся в успешной жизнедеятельности в постоянно изменяющихся условиях; улучшении общения и взаимоотношений, то есть увеличении количества контактов; повышении эффективности деятельности в положительную сторону; сохранении психического здоровья. Процесс адаптации в конечном итоге должен обладать вектором, направленным на формирование социально-компетентной, зрелой личности.

На выбор той или иной стратегии влияет целый ряд микро- и макросоциальных факторов. К факторам микросоциальным следует отнести:

а) индивидуально-личностные характеристики адаптантов (возраст, уровень образования и профессиональной подготовки, ценностные ориентации, коммуникабельность, мотивация, характер ожиданий и притязаний, личностная самооценка, жизненный опыт и др.);

б) характеристики взаимодействующих культурных фреймов этногрупп, в первую очередь культурную дистанцию (объективно существующую и субъективно воспринимаемую степень сходств или различий между этническими культурами).

Макросоциальные факторы следующие: 1) сложившаяся в принимающей стране и в мире политическая и социально-экономическая ситуация; 2) характер этнонациональной и иммиграционной политики властей; 3) характер правового статуса мигрантов; 4) существование (или отсутствие) общественных объединений и организаций соотечественников (землячества, национально-культурные автономии, ассоциации и т.п.), масштабы их деятельности; 5) уровень коррупции и преступности и др.

Допустимо утверждение, что адаптивной стратегией для большинства мигрантов является интеграция (аккультурация). Однако для некоторых сообществ (узбекская и киргизская этнические группы) столь же актуальна и стратегия геттоизации, связанная с тем, что мигранты указанных национальностей относятся к типу временной миграции. Тем не менее обе стратегии имеют сходство в целом ряде проблем, сопровождающих процесс адаптации всех мигрантов, а именно – сохранение своих этнических отличительных черт и успешное сосуществование с принимающим населением.

На наш взгляд, данные стратегии не охватывают всю картину социально-психологической адаптации. Мы полагаем, что в современных условиях возможны и иные варианты. В частности, стратегии ухода из реальности в виртуальные миры, включения в социальные сетевые сообщества и т.п. Стратегии адаптивного поведения мигрантов отличаются по степени активной/пассивной включенности в жизнь принимающего сообщества в зависимости от социально-психологических характеристик принимающего этнокультурного сообщества, типа миграции (по намерению), типа проживания мигранта.

На основании выделенного критерия субъектности в процессе адаптации нами выделено четыре стратегии поведения мигранта в принимающем сообществе. Стратегия поведения «S-активная адаптация» формируется после того, как мигранты принимают решение остаться в принимающем сообществе на длительный срок. Данный этап характеризуется структурными изменениями социальных, культурных, психологических установок индивидов и групп, причем изменение внешних этнокультурных и социолингвистических характеристик имеет предел, при котором исходная социокультурная (этническая) идентичность человека остается неизменной. Если же исходная социокультурная идентичность разрушается, личность включается в необратимый, по сути, процесс «растворения» в принимающем сообществе, ассимиляции. В этом главное отличие указанной стратегии от «интеграции», заключающейся в сохранении этническими меньшинствами «верности» своей исходной культуре (при этом идет параллельная интернализация инокультурных особенностей).

Стратегия поведения «S-пассивная адаптация» состоит в том, что в процессе адаптации не меняется каким-либо кардинальным образом тип и характер поведения, ценностные ориентации и коммуникативные модели. Данный процесс не нуждается в глобальном освоении образов и норм культуры принимающего сообщества.

Стратегия поведения «S-активный негативизм к местному населению и культуре» предполагает отрицание чужой культуры при сохранении идентификации со своей культурой. Представители недоминантной группы предпочитают большую или меньшую степень изоляции от доминантной культуры. Данная стратегия отчасти напоминает стратегию «сепарации» Дж. Берри в ее «усиленном» варианте.

Стратегия поведения «S-пассивная дезадаптация» представляет собой, с одной стороны, потерю идентичности с собственной культурой, с другой – отсутствие идентификации с культурой большинства. Данная ситуация возникает из-за невозможности поддерживать собственную идентичность (обычно в силу каких-то внешних причин) и отсутствия интереса к получению новой идентичности (возможно, из-за дискриминации или сегрегации со стороны культуры принимающего населения). В отличие от маргинализации, в данной стратегии ведущую роль играет этническая составляющая.

Стиль адаптации личности определяется сочетанием в индивидуальном поведении вышеупомянутых четырех стратегий. Цели, преследуемые различными стратегиями, не всегда одинаковы, во многом противоречивы и нередко даже взаимоисключаемы, поэтому все возможные варианты исходов можно разделить следующим образом (в зависимости от степени продуктивности):

- 1) усовершенствование и развитие обеих взаимодействующих систем (или хотя бы одной из них), при этом функционирование другой не нарушается («S-активная адаптация», «S-пассивная адаптация»);
- 2) содействие сохранению целостности личности или социальной структуры в случае угрозы ее нарушения («S-пассивная адаптация»);
- 3) отсутствие каких-либо существенных изменений («S-пассивная адаптация»);
- 4) деструктивные последствия: нарушение функционирования, разрушение, снижение исходного уровня организации одной или обеих сторон («S-активный негативизм к местному населению и культуре», «S-пассивная дезадаптация»).

В настоящее время на территории Российской Федерации проживают миллионы трудовых мигрантов. Немалую их часть составляют представители узбекского этноса. Именно представители нескольких групп мигрантов-узбеков были выбраны для исследования, проведенного с целью выявления различий в типах этнической идентичности, выбираемых стратегиях аккультурации и содержательных

характеристиках идентичности [Константинов, Вершинина 2011]. В опросах участвовали следующие группы: входящие в состав общины узбеки с большим опытом пребывания на территории РФ (далее — группа О-2), входящие в состав общины узбеки с малым опытом пребывания (далее — группа О-1), не входящие в состав общины узбеки с большим опытом пребывания (далее — группа В-2) и не входящие в состав общины узбеки с малым опытом пребывания (далее — группа В-1). Математико-статистическая обработка результатов эмпирического исследования проводилась с помощью статистического пакета «SPSS 17.0 for Windows», а также с помощью математических критериев Манна-Уитни, Крускала-Уоллеса и Спирмена. Обобщенные результаты анализа полученных данных приводятся далее.

Результаты анализа с помощью критерия различий Крускала-Уоллеса и критерия Манна-Уитни выявляют значимые различия в выраженности этнической идентичности у представителей выделенных групп, так как $H = 288,813$; при $p = 0,001$.

Если сравнить с помощью критерия Манна-Уитни показатели этнической идентичности у представителей групп В-2 и О-1, окажется, что в группе В-2 показатели этнической идентичности являются более выраженными ($U_{\text{эмп}} = 106,5$; при $p = 0,001$). Сравнение групп В-2 и В-1 приводит к выводу, что показатели этнической идентичности более выражены у представителей, отнесенных нами к группе В-2, по сравнению с респондентами группы В-1 ($U_{\text{эмп}} = 173,5$; при $p = 0,001$); такое же сравнение показателей этнической идентичности в группах О-1 и О-2 даёт большую выраженность показателей у группы О-2 ($U_{\text{эмп}} = 54,0$; при $p = 0,001$), то же сравнение в группах О-2 и В-1 отмечает более высокие показатели у группы О-2 ($U_{\text{эмп}} = 108,0$; при $p = 0,001$). При сравнении показателей этнической идентичности в группах О-1 и В-2 и в группах В-2 и О-2 выраженные различия не обнаруживаются (в первом случае $U_{\text{эмп}} = 4789,0$, во втором случае $U_{\text{эмп}} = 4399,0$).

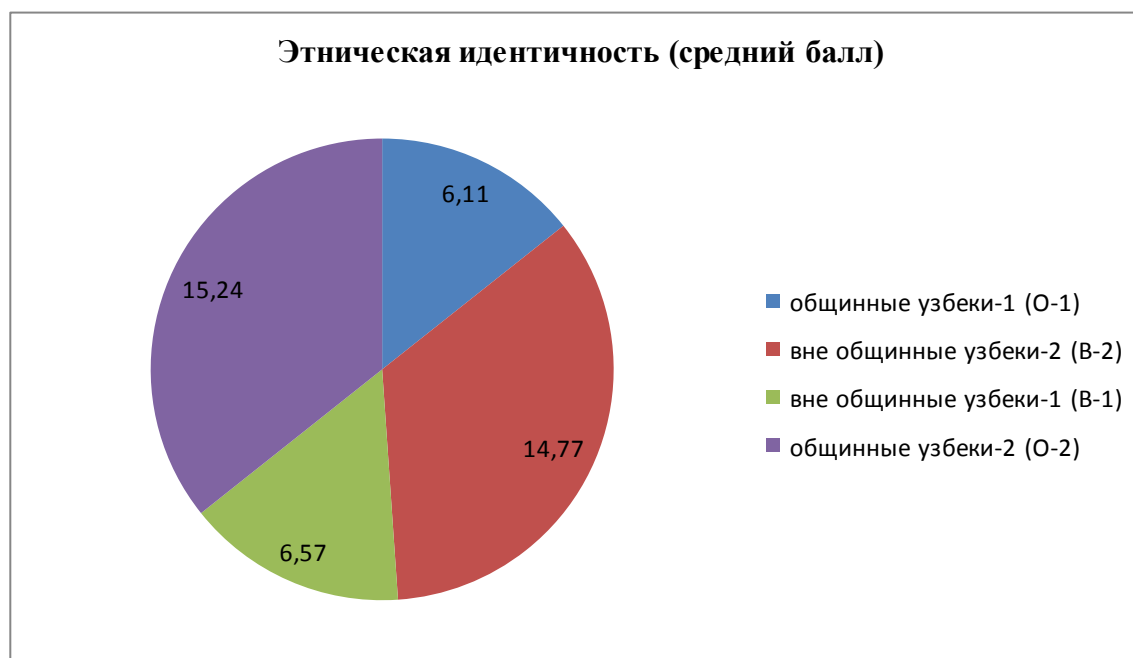

Рис. 1. Средние показатели в группах по этнической идентичности

Таким образом, наибольшая выраженность балльных показателей этнической идентичности у представителей узбекского этноса наблюдается в группе В-2, по сравнению с респондентами группы О-1 и группы В-1. В случае сравнения тех же

данных по группам О-2, О-1 и В-1, выраженность показателей этнической идентичности намного выше у группы О-2. Более высокие показатели этнической идентичности свидетельствуют о большей выраженности такого типа этнической идентичности, как этноиндифферентность, то есть безразличное отношение к этническим вопросам. Иными словами, в группах представителей узбекского этноса, проживающих на иной территории более 5-10 лет, преобладает этническая идентичность по типу этноиндифферентности, вне зависимости от степени участия в деятельности общины. В группе О-1, респонденты которой проживают на территории России менее 5 лет и участвуют в деятельности общины, преобладает позитивная этническая идентичность, а в группе В-1, наряду с позитивной этнической идентичностью, выражена также и гиперидентичность.

Полученные результаты являются свидетельством того, что увеличение опыта пребывания в принимающей этнической среде приводит к постепенному значительному преобладанию процессов адаптации и ассимиляции над процессами сохранения своей этнической идентичности, следствием чего является постепенное размытие исходной этнической идентичности и в целом снижение значимости этнического фактора в повседневной жизни. Вовлеченность в деятельность национальной общины помогает приобретению или сохранению желательной позитивной этнической идентичности только на начальном этапе пребывания в принимающем сообществе, что хорошо заметно, если сравнить по данному признаку группы с опытом пребывания в иной этнической среде менее пяти лет.

Выявлены значимые различия в том, как выражены стратегии поведения у представителей выделенных нами групп в принимающем сообществе.

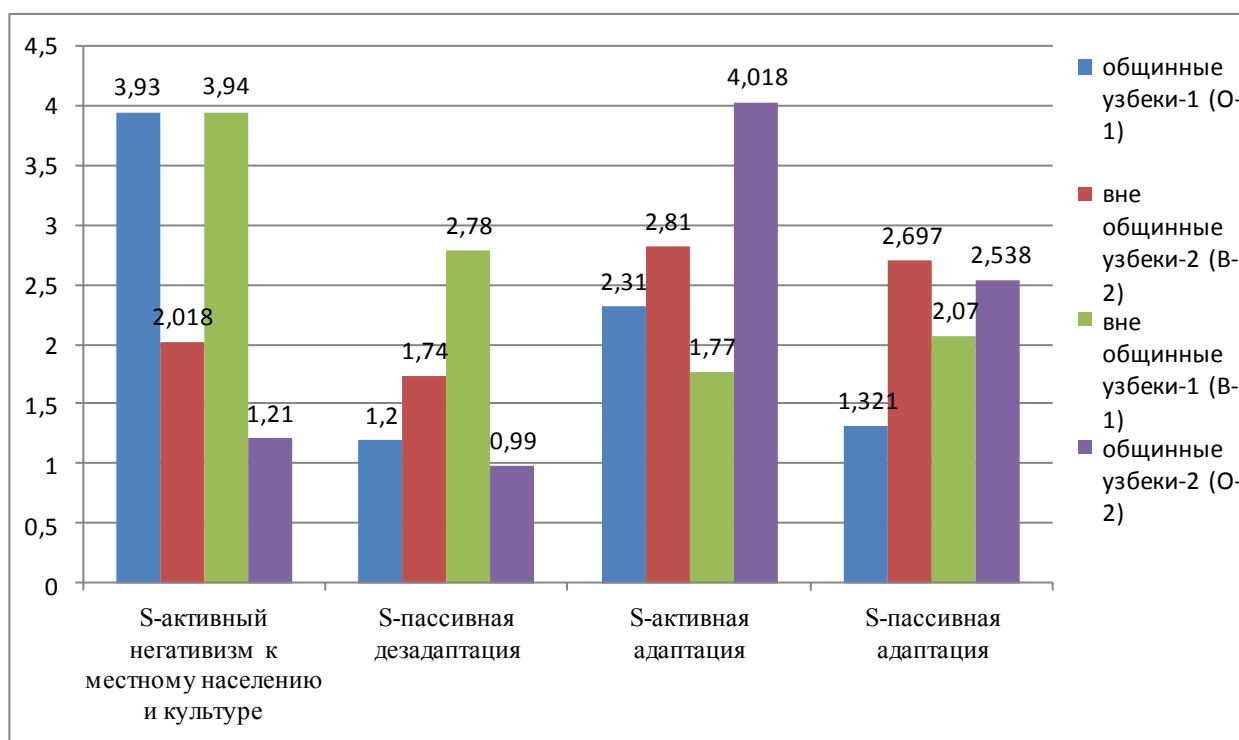

Рис. 2. Средние показатели в группах по стратегиям аккультурации

В частности, обнаружены значимые различия в выраженности у представителей указанных выше групп стратегии сепарации ($N = 294,488$; при $p = 0,001$), стратегии

маргинализации ($N = 161,158$; при $p = 0,001$), стратегии интеграции ($N = 302,754$; при $p = 0,001$) и стратегии ассимиляции ($N = 236,590$; при $p = 0,001$).

При сравнении групп по стратегии «S-активный негативизм к местному населению и культуре» с помощью критерия Манна–Уитни было обнаружено, что данная стратегия более выражена у представителей группы О-1 по сравнению с респондентами групп В-2 и В-1. Также проявление стратегии «S-активный негативизм к местному населению и культуре» оказывается более высоким в группе О-1, чем в группе О-2; в группе В-1 выше, чем в группе В-2, в группе О-1 выше, чем в группе О-2, в группе В-1 выше, чем в группе О-2, и в группе В-2 выше, чем в группе О-2.

Таким образом, можно отметить наибольшую выраженность стратегии «S-активный негативизм к местному населению и культуре» у представителей группы О-1, то есть у испытуемых, проживающих на территории России менее 5 лет и участвующих в деятельности национальной общины. Такие данные свидетельствуют о том, что в некоторых случаях участие в национальной общине на первых порах тормозит сближение между культурами и препятствует полному соприкосновению с другой идентичностью.

При сравнении групп по стратегии «S-пассивная дезадаптация» с помощью критерия Манна–Уитни выясняется, что данная стратегия более выражена у представителей группы В-2, по сравнению с респондентами группы О-1, и у представителей группы В-1, по сравнению с респондентами группы В-2. У представителей групп О-1 и О-2 выраженных различий в проявлении стратегии «S-пассивная дезадаптация» не обнаружено. Данная стратегия имеет большую выраженность в группе В-1, по сравнению ее с группами О-2 и О-1, а также в большей степени проявляется у представителей группы В-2, чем у респондентов группы О-2.

Таким образом, мы видим, что стратегия «S-пассивная дезадаптация» наиболее ярко выражена в группе В-1, то есть у тех испытуемых, которые проживают в России недавно и не имеют отношения к национальной общине. Полученные результаты объясняются нами стрессовой ситуацией, которая вынуждает испытуемых к отказу от своей идентичности, и невозможностью принять для себя другую идентичность, которая более приемлема в новых культурных условиях. Указанная ситуация обостряется отсутствием контактов с соотечественниками и взаимодействия с национальной общиной, потому что в группе, где налажены контакты с национальной общиной, стратегия «S-пассивная дезадаптация» выражена значительно меньше.

При сравнении групп по стратегии «S-активная адаптация» с помощью критерия Манна–Уитни оказывается, что данная стратегия более выражена у представителей группы В-2, по сравнению с респондентами групп О-1 и В-1. При попарном анализе стратегия «S-активная адаптация» обнаружила большую выраженность в группе О-2, по сравнению с группами О-1, В-1 и В-2, и в группе О-1, по сравнению с группой В-1.

Таким образом, наиболее ярко стратегия «S-активная адаптация» выражается в группе О-2, то есть у испытуемых, проживающих в России более 5 лет, а в основном более 10 лет, и участвующих в национальной общине. Из всех стратегий именно «S-активная адаптация» является наиболее адаптивной и желательной, так как только данная стратегия предполагает наличие в обществе мультикультурной идеологии и способствует более успешной адаптации недоминирующих групп в принимающем обществе.

Сравнение групп по стратегии «S-пассивная адаптация». Данная стратегия, согласно сравнениям, более выражена у представителей группы В-2, по сравнению с респондентами групп О-1 и В-1, а также у представителей группы О-2, по сравнению с группой О-1, группы В-1, по сравнению с группой О-1, и группы О-2, по сравнению с

группой В-1. У представителей групп В-2 и О-2 выраженных различий в стратегии «S-пассивная адаптация» не обнаружено.

Сравнение групп попарно по стратегиям поведения с помощью критерия Манна–Уитни

Группы	Стратегии			
	S-активный негативизм к местному населению и культуре	S-пассивная дезадаптация	S-активная адаптация	S-пассивная адаптация
О-1 и В-2	Uэмп=88,5; при p= 0,001	Uэмп=3182,5; при p= 0,001	Uэмп=415,5; при p= 0,001	Uэмп=106,5; при p= 0,001
О-1 и В-1	Uэмп=3751,0; при p= 0,002	Uэмп=739,0; при p= 0,001	Uэмп=1515,0; при p= 0,001	Uэмп=2707,5; при p= 0,001
О-1 и О-2	Uэмп=63,0; при p= 0,001	Uэмп=5115,0 при p= 0,733	Uэмп=200,5; при p= 0,001	Uэмп=50,0; при p= 0,001
В-2 и В-1	Uэмп=78,5; при p= 0,001	Uэмп=1327,0; при p= 0,001	Uэмп=94,5; при p= 0,001	Uэмп=1603,5; при p= 0,001
В-2 и О-2	Uэмп=3979,0; при p= 0,020	Uэмп=3364,5; при p= 0,001	Uэмп=4026,5; при p= 0,027	Uэмп=4340,0 при p= 0,152
О-2 и В-1	Uэмп=63,0; при p= 0,001	Uэмп=859,0; при p= 0,001	Uэмп=42,5; при p= 0,001	Uэмп=1458,5; при p= 0,001

Таким образом, нами делается вывод, что стратегия «S-пассивная адаптация» наиболее ярко выражена в группах О-2 и В-2. В группе О-2 стратегия «S-пассивная адаптация» выражена наравне со стратегией интеграции, то есть имеет место выбор как той, так и другой стратегии аккультурации. Также стратегия «S-пассивная адаптация» наблюдается в группе В-2, испытуемые которой проживают в России более 5 лет и не принимают участия в деятельности национальной общины.

Для изучения содержательных характеристик идентичности была применена методика Куна–Макпартленда «Кто Я?».

Существуют значимые различия в показателях испытуемых по следующим шкалам: шкала соотношения социальных ролей и индивидуальных характеристик (N = 33,240; при p = 0,001), шкала уровня самооценки (N = 111,086; при p = 0,001), шкала половой идентичности (N = 47,295; при p = 0,001), шкала уровня дифференцированности (N = 11,383; при p = 0,001), шкала социального Я (N = 237,707; при p = 0,001), шкала материального Я (N = 101,109; при p = 0,001), шкала деятельного Я (N = 225,725; при p = 0,001), шкала перспективного Я (N=20,801; при p = 0,001) и шкала рефлексивного Я (N = 50,921; при p = 0,001).

Не выявлено значимых различий показателей испытуемых по следующим шкалам: шкала коммуникативного Я (N = 1,669; при p = 0,644) и шкала физического Я (N = 5,012; при p = 0,171).

Сравнивая группы О-1 и В-2, можно обнаружить, что представители группы В-2 имеют более высокие показатели по шкале соотношения социальных ролей и индивидуальных характеристик, материального Я, деятельного Я, перспективного Я и рефлексивного Я. В группе О-1 наблюдаются более высокие показатели по шкале уровня самооценки и шкале социального Я. Различия в показателях по шкале половой идентичности и по шкале дифференцированности не выявляются. При сравнении групп О-1 и В-1 выясняется, что более высокие показатели по шкале уровня самооценки, половой идентичности, дифференцированности социального Я, материального Я и рефлексивного Я имеют представители группы О-1. Различий в показателях по шкале

соотношения социальных ролей и индивидуальных характеристик, деятельного Я и перспективного Я обнаружено не было. Группа О-2, по сравнению с группой О-1, обладает более высокими показателями по шкале соотношения социальных ролей и индивидуальных характеристик, материального Я, деятельного Я, перспективного Я и рефлексивного Я, а группа О-1, по сравнению с группой О-2, — более высокими показателями по шкале уровня самооценки и шкале социального Я. Различия в показателях по шкале половой идентичности и по шкале дифференцированности не обнаружены.

Анализ показателей по шкалам в группах В-2 и В-1 позволяет сделать вывод о более высоких показателях по шкале соотношения социальных ролей и индивидуальных характеристик, уровня самооценки, половой идентичности, дифференцированности, материального Я, деятельного Я, перспективного Я и рефлексивного Я в группе В-2. В группе В-1, по сравнению с группой В-2, выявляются более высокие показатели по шкале социального Я. Сравнение группы В-2 с группой О-2 не обнаруживает значимых различий ни по одной из шкал опросника: соотношения социальных ролей и индивидуальных характеристик, уровня самооценки, половой идентичности, дифференцированности, социального Я, материального Я, деятельного Я, перспективного Я и рефлексивного Я. В группе О-2, по сравнению с группой В-1, выявляются более высокие показатели по шкале соотношения социальных ролей и индивидуальных характеристик, уровня самооценки, половой идентичности, дифференцированности, материального Я, деятельного Я, перспективного Я и рефлексивного Я. Группа В-1, по сравнению с группой О-2, обладает более высокими показателями по шкале социального Я.

В результате произведенного анализа можно сделать следующие выводы. По таким идентификационным характеристикам, как перспективное Я, рефлексивное Я, деятельное Я и материальное Я, лидерами оказываются группы В-2 (не входящие в состав общины узбеки с большим опытом пребывания) и О-2 (входящие в состав общины узбеки с большим опытом пребывания).

Составлявшиеся данными группами самоописания имеют явное преобладание показателей занятий, рода деятельности, интересов, не менее ярко выражены показатели отношения к материальным благам, показатели перспектив в разных сферах жизни (профессиональной, семейной и других) и показатели персональной и экзистенциальной идентичности, то есть личностные качества, особенности характера и утверждения глобального сущностного характера. Наибольшая выраженность показателей социального Я наблюдается в группе О-1 (входящие в состав общины узбеки с малым опытом пребывания) и чуть меньше в группе В-1 (не входящие в состав общины узбеки с малым опытом пребывания). К социальному Я относится обозначение семейной принадлежности, групповой принадлежности, этнической идентичности, прямое обозначение пола, а также родственные отношения. Допустим вывод, что главным для группы узбеков, проживающих менее пяти лет в России и участвующих в национальной общине, является осознание себя частью социальной группы (в данном случае именно этнической), и для этой категории испытуемых очень важны родственные отношения и ролевая позиция в обществе. Данные результаты подтверждают тот факт, что национальная община, давая мигрантам, с одной стороны, ощущение безопасности, чувство принадлежности к группе и чувство важности группового членства, с другой стороны, ограничивает идентификацию в других областях, делая процесс адаптации в новой культурной и этнической среде более затянутым, хотя и более плавным. Показатели уровня дифференцированности идентичности во всех группах практически одинаковы, и лишь в группе «В» данный показатель немного ниже, что является свидетельством кризиса идентичности,

замкнутости, тревожности. Для группы мигрантов, недавно проживающих на территории России и не участвующих в национальной общине, такие процессы вполне естественны, поскольку община не сглаживает своей поддержкой стрессовую ситуацию нахождения в иной этнической среде, да и само неучастие в национальной общинной организации зачастую вызвано тем, что мигранты не верят в ее помощь и разочаровались во многих представителях своего этноса. Лидером по показателю уровня самооценки является группа О-1, иными словами — данная группа дает наибольшее количество случаев завышенной самооценки испытуемых. Для остальных групп результаты по данному показателю сопоставимы: количество испытуемых, имеющих неадекватно завышенную, адекватную и неадекватно заниженную самооценку, приблизительно одинаково. Изучая соотношение социальных ролей и индивидуальных характеристик в самоописании, можно сделать вывод, что группы В-2 и О-2 отличаются чуть более сбалансированным сочетанием этих показателей, тогда как в остальных группах в самоописании встречается больше случаев преобладания социальных ролей. Показатель половой идентичности не имеет выраженных различий в исследуемых группах и незначительно выше только в группе О-1, что может быть свидетельством большей уверенности в себе представителей данной группы.

Таким образом, все выделенные группы обладают значимыми различиями по всем заявленным психологическим характеристикам, а именно: по типу этнической идентичности, стратегии аккультурации, а также по содержательным характеристикам самоидентификации.

Результаты подтверждают теоретические положения выдвинутой концепции относительно того, что стратегии адаптивного поведения мигрантов/визитеров отличаются в зависимости от социально-психологических характеристик принимающего этнокультурного сообщества, типа миграции (по намерению), типа проживания мигранта. Стратегия поведения «S-активная адаптация» возникает после появления у мигрантов/визитеров установки на пролонгированное присутствие в среде адаптации. Здесь возникает интенсивная трансформация социально-психологических, этнокультурных и конфессиональных характеристик субъектов и групп. Тем не менее существуют границы трансформации этнокультурных и социально-психологических характеристик, причем более стабильным компонентом оказывается этническая идентичность мигранта/визитера. Если трансформация социокультурной идентичности в среде адаптации слишком интенсивна, процесс ассимиляции становится, по сути, необратимым и завершается «растворением» мигранта/визитера среди принимающего сообщества. Суть стратегии поведения «S-пассивная адаптация» проявляется в отсутствии каких бы то ни было заметных изменений в процессе приспособления — не изменяются ни тип и образ поведения, ни ценностные ориентации, ни коммуникативные модели. В данном процессе не осваиваются глубоко ни образы, ни культурные нормы среды адаптации. Стратегия поведения «S-активный негативизм к местному населению и культуре» предполагает отрицание чужой культуры при сохранении идентификации со своей культурой. Представители недоминантной группы предпочитают большую или меньшую степень изоляции от доминантной культуры. Стратегия поведения «S-пассивная дезадаптация» представляет собой, с одной стороны, потерю идентичности с собственной культурой, с другой — отсутствие идентификации с культурой большинства. Данная ситуация возникает из-за невозможности поддерживать собственную идентичность (обычно в силу каких-то внешних причин) и отсутствия интереса к получению новой идентичности (возможно, из-за дискриминации или сегрегации со стороны культуры принимающего населения).

Библиографический список

Вершок А.Б. Культурный шок и проблемы аккультурации: учеб.-методич. пособие для педагогов-психологов. М.: МГППУ, 2013.

Габдрахманова Г.Ф. Этничность и миграция: становление исследовательских подходов в отечественной этносоциологии // Социологические исследования. 2007. №1. С. 15–22.

Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2002.

Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Логос, 1998.

Константинов В.В., Вершинина М.В. Роль общинных организаций в становлении этнической идентичности // Инновации в образовании. 2011. № 9. С. 70–76.

Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Сравнительный анализ стратегий взаимодействия мигрантов и населения России в Москве и Ставропольском крае // Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: сб. науч. ст. / под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. М.: РУДН, 2009. С. 334–374.

Смирнова С.В. Особенности адаптации трудовых мигрантов из стран Средней Азии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2011. №42 (259). С. 94–100.

Berry J.W. et al. Cross-Cultural Psychology: Research and Applications. New York: Cambridge University Press, 2011.

Berry J.W. Global psychology: implications for cross-cultural research and management // Cross Cultural Management. 2015. Vol. 22. Issue 3. P. 342–355.

Cohen D. Cultural psychology // APA Handbook of Personality and Social Psychology. Vol. 1: Attitudes and Social Cognition / M. Mikulincer, P.R. Shaver, E. Bordiga, J.F. Bargh (Eds.). American Psychological Association, 2015. P. 415–456.

Cohen E.H. Impact of the Group of Co-migrants on Strategies of Acculturation: Towards an Expansion of the Berry Model // International Migration. 2011. Vol. 49. Issue 4. P. 1–22.

Reilly A. The Ethics of seasonal labor migration // Griffith Law Review. 2011. Vol. 20. № 1. P. 127–152.